

**Дрожжи и закваски – мастера, кузнецы?
(именования понятий в вепсском этноязыковом пространстве)**

Н. Г. Зайцева

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация
zng@ro.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье подвергнуты анализу вепсскоязычные термины дрожжей и заквасок. Данная лексика интересна с точки зрения мотивов номинации, сохранения прибалтийско-финского этимологического наследия, инновативных моментов и результатов контактных явлений, наблюдающихся как в прямом заимствовании в вепсский язык необходимых лексем, так в семантическом и грамматическом воздействии на группу данной лексики.

Цель: исследовать группу лексики, связанную с названиями дрожжей и заквасок, выявить мотивы номинации, их исконность и инновативность в прибалтийско-финском этимологическом пространстве, определить результаты контактных и универсальных явлений.

Материалы исследования: вепсскоязычные наименования дрожжей и заквасок, собранные в полевых условиях, из архивных и опубликованных источников.

Результаты и научная новизна. В статье определены мотивы вепсскоязычных терминов – наименований дрожжей и заквасок, основой для которых послужили глагольные лексемы, способные отобразить процесс работы дрожжей и заквасок при приготовлении теста (*noustatada* ‘поднимать’ → *noustatez* ‘подъем (теста)’; *hapata* ‘прокисать; бродить’ → *hapatez*, *hapišt* ‘окисление; брожение’; *muigota* ‘киснуть; бродить’ → *muigotez* ‘окисление; брожение’). Особое внимание уделено привлечению к номинации некоторых языковых метафор [*rand* ‘дрожжи’ (букв. ‘край квашни’); *sep* ‘дрожжи’ (букв. ‘кузнец; мастер’)].

Научная новизна статьи заключается в определении мотивов номинации терминов и их этимологизации – прибалтийско-финских (*noustatez*, *hapatez*), инновативных вепсизмов (*muigotez*) и причин их появления, а также затемненных терминов, которым предложено толкование автора данной статьи (*rand*, *sep*). Особое внимание привлечено к семантическим универсальным реалиям в исследуемой группе терминов, вызванным вторжением метафор в номинацию, что оказалось в этом случае свойственно родственным и соседним неродственным языкам [вепсское – *sep* ‘дрожжи’ (букв. ‘кузнец’), твердое карельское – *seppä* ~ *šepä* ‘дрожжи’, эстонские диалектные – *meistari*, *tõök*, *tõõtees* ‘дрожжи’ (букв. ‘мастер; рабочий человек’) и русское – *мастер* ‘закваска’].

Ключевые слова: вепсский язык, языковые контакты, лексика, номинация, этимология.

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

Для цитирования: Зайцева Н. Г. Дрожжи и закваски – мастера, кузнецы? (именования понятий в вепсском этноязыковом пространстве) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 642–651.

**Yeast and leaven – craftsmen, blacksmiths?
(names of notions in the Vepsian ethnolinguistic space)**

N. G. Zaytseva

*Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
zng@ro.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article analyzes the Vepsian terms for yeast and leaven. This vocabulary is interesting from the point of view of motifs of nomination, preservation of the Baltic-Finnish etymological heritage, innovative moments and the results of contact phenomena observed both in the direct borrowing of the necessary lexemes into the Vepsian language, and in the semantic and grammatical influence on the group of this vocabulary.

Objective: to study a group of vocabulary associated with the names of yeast and leaven, to identify the motifs of nomination, their originality and innovativeness in the Baltic-Finnish etymological space, and to determine the results of contact and universal phenomena.

Research materials: Vepsian names of yeast and leaven collected in the fields, from archival and published sources.

Results and novelty of the research: the article defines the motifs of Vepsian terms – the names of yeast and leaven. Their bases are verbal lexemes that can reflect the process of work of yeast and leaven during dough preparation (*noustatada* ‘to raise’ → *noustatez* ‘rise (of dough)’; *hapata* ‘to sour; to ferment’ → *hapatez*, *hapišt* ‘oxidation; fermentation’; *muigota* ‘to sour; to ferment’ → *muigotez* ‘oxidation; fermentation’). Special attention is paid to attracting some language metaphors to the nomination [*rand* ‘yeast’ (lit. ‘the edge of the leavened dough’); *sep* ‘yeast’ (lit. ‘blacksmith; craftsman’)].

The scientific novelty of the article lies in the determination of the motifs of nomination of terms and their etimologization – Baltic-Finnish (*noustatez*, *hapatez*), innovative Vepsisms (*muigotez*) and the reasons of their emergence, as well as obscure terms, which are offered the interpretation by the author (*rand*, *sep*). Special attention is drawn to the semantic universal realities in the studied group of terms caused by the invasion of metaphors into the nomination, which in this case turned out to be characteristic for related and neighboring unrelated languages [Vepsian *sep* ‘yeast’ (lit. ‘blacksmith’), Tver Karelian *seppä* ~ *šepä* ‘yeast’, Estonian dialectal *meistari*, *töök*, *töömees* ‘yeast’ (lit. ‘master; working man’) and Russian *master* ‘leaven’].

Key words: Vepsian language, language contacts, vocabulary, nomination, etymology.

Acknowledgments: the article is prepared as a part of the state task of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Zaytseva N. G. Yeast and leaven – craftsmen, blacksmiths? (names of notions in the Vepsian ethnolinguistic space) // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2020; 10 (4): 642–651.

Введение

Вепсский язык входит в группу языков малочисленных народов России, относящихся к прибалтийско-финской ветви уральской языковой семьи. Численность вепсов постоянно сокращается (по переписи 2010 г. – 5936 человек [19, 13–14]); жизненная ситуация подталкивает язык вепсов к той грани, к группе таких языков, которые находятся под угрозой исчезновения. Учёные включили язык вепсов ещё в середине 1990-х годов в «Красную книгу языков народов России» [10, 21–22]. Тем не менее, активисты вепсского возрождения, лингвисты, любители вепсского языка и вепсского слова, объединившись, стремятся приостановить данный процесс. С начала 1990-х годов преподавание вепсского языка как предмета включено в программы ряда школ на территории проживания вепсского этноса в Республике Карелия и Вологодской области. В Ленинградской области проявляют заботу о вепском фольклорном наследии, вводя его активнее в практику жизни. Диалектные материалы раритетного «Словаря вепсского языка» [4], а также материалы электронных источников [9; 26], которые собирались на протяжении многих лет, позволяют использовать их в разработке концепции младописьменного языка вепсов, наращивать его лексический тезаурус, включать эти данные в учебники и учебные пособия, в СМИ, в художественную литературу. Таким образом, теснее обозначилось взаимовлияние науки и языка, сказываясь положительно на его состоянии. Исследователи вепсского языка, которые сами являются представителями вепсов, предлагают разбить стереотип о родном языке, как уже ненужном для высшего образования [1, 37], стремятся назвать, как об этом метко заметила известная исследовательница уральских языков А. И. Кузнецова, «...вымирающий вепсский язык вечно живым» [11, 262].

Вепсский язык является хорошо исследованным языком, которому стали уделять внимание ещё в начале XIX в. финские лингвисты. Назвав язык вепсов с точки зрения исторической фонетики «прибалтийско-финским санскритом» [23, 22], историки языка проецировали на него факты родственных языков, прежде всего, финского, исследовав и историческую фонетику вепсского языка самым доскональным образом. Неплохо исследована и грамматика вепсского языка [12, 5–10], но проблемы лексики до сих пор имеются. Сама лексика вепсских диалектов представлена довольно богато в «Словаре вепсского языка» [4], однако её исследование является спорадическим и далеко неполным, практически представленным на уровне сбора материала. Интерес к её исследованию возрос в 1990-е годы в связи с работой по составлению «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» [21], и также – несколько позднее – по работе над «Лингвистическим атласом вепсского языка» [12]. Имеющийся в них языковой материал позволяет решать более углублённо проблемы номинации, семантики, этимологии, языковых контактов на уровне лексики. Результаты аналитической работы уже представлены в ряде статей, в которых изучаются тематические группы вепсской лексики именованных радуги [6, 32–41], вепсской свадебной терминологии [7, 144–158], географических объектов [24, 106–123] и т. д.

Данная статья посвящена исследованию одной из семантических групп вепсской лексики, важной в жизненном укладе любого народа, также как и в жизни вепсов, а именно – именованию дрожжей и заквасок, определению прибалтийско-финского наследия в этой группе лексики, выяснению некоторых универсальных явлений, которые проявляются при обращении к языковым контактам.

Материалы и методы

В качестве языкового источника привлечён трёхтомный «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» [21], в международном коллективе составителей которого принимала полноценное участие и автор данной статьи. В статье широко использован также материал «Лингвистического атласа вепсского языка», который вышел в свет в 2019 г. [12]. Названный атлас может представить интерес для исследователей языков Европейского Севера, которые, независимо от принадлежности к определённой языковой группе, постоянно контактируют друг с другом, включая в свою этнокультуру явления соседнего языка.

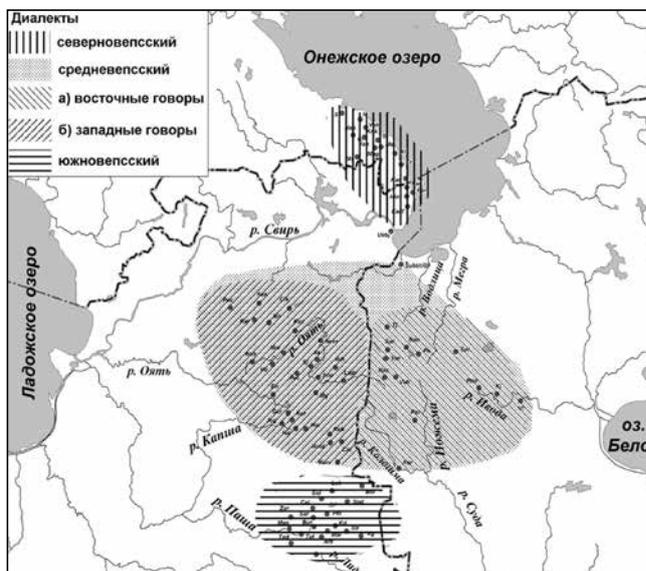
В представленной статье использованы различные методы. Прежде всего, здесь применяется лингвогеографический метод, с помощью чего построены лингвистические карты, организованы их научный комментарий. Этимологический метод позволил включить анализируемые лексемы в прибалтийско-финский фон, осуществить поиск соответствий в родственных языках, глубже заглянуть в специфику развития семантических полей. Метод сопоставительного анализа способствовал поиску результатов контактных явлений, выяснению существования универсалий и т. д.

Результаты

Статьи, которые выполняются на стыке лингвистики и отчасти этнографии, позволяют объединить языковой символ или термин с живой жизнью, наполнить его большим содержанием, определив для него необходимое место в каком-то процессе, жизненном цикле, явлении хозяйствования или культуры. Тем убедительнее выглядит исследование, когда оно проводится в сравнительно-сопоставительном аспекте, для чего привлекаются данные не только диалектов одного языка или группы родственных языков, но сопоставительные материалы языков соседствующих народов. Это позволяет выявить особенности развития языков, а также исследовать некоторые универсальные явления в развитии грамматики, лексики, семантики.

В языке вепсов, материалы которого использованы в статье, выделяются три диалекта: северновепсский или прионежский, южновепсский и средневепсский с двумя группами говоров: западновепские или приоятские и восточновепские (карта 1). Их наименования указывают на реальное расположение диалектных ареалов друг относительно друга: северный (или прионежский) на юго-западном побережье Онежского озера,

средний – в бассейне реки Свири (западные говоры) и на Онежско-Белозерском водоразделе (восточные говоры), и наконец, южный – на реке Лидь в верховьях Волжского бассейна [8, 86].

Карта 1. Диалекты вепсского языка¹.

Именования понятия «закваска»

В древней прибалтийско-финской культуре выпекания хлеба типичным считалось хранение в семье закваски или «вещества, вызывающего кислое брожение» от одной выпечки до другой. Она была важной основой теста. В финском языке, например, используются такие слова, как *taikinanjuri* ‘букв. ‘корень теста’, *alus* ‘основа’ [5, 33], мотивы наименований которых свидетельствуют о важности предметов или вещества, называемых ими.

Именования дрожжей и заквасок крайне интересовали составителей «Прибалтийско-финского лингвистического атласа» [21]. Автору данной статьи в числе прочих заданий была поручена и подготовка лингвистических карт и научных комментариев по названию понятия «дрожжи». Однако в прибалтийско-финских языках было сложно провести границу между наименованиями закваски и дрожжей. Они переплетаются, поскольку при выпечке хлеба со временем стали использовать оба эти вещества одновременно. Поэтому впоследствии было принято решение об исключении лингвистических карт по дрожжам из прибалтийско-финского атласа, поскольку языковые материалы крупных языков были собраны не совсем корректно, что не позволяло точно идентифицировать называемое понятие. В свою очередь,

¹ Автор статьи выражает искреннюю благодарность за помощь в технической подготовке лингвистических карт статьи главному специалисту по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН Н.Л. Шибановой.

именно полученные разработки стали отправной точкой для более углублённого рассмотрения именованний данных понятий на материале одного языка – вепсского, где эти лексемы и их идентификация с понятиями является менее сложной, чем в целой языковой группе [5, 32–39].

Обратим внимание на свойства закваски, которые были приняты во внимание при их номинации в языке вепсов.

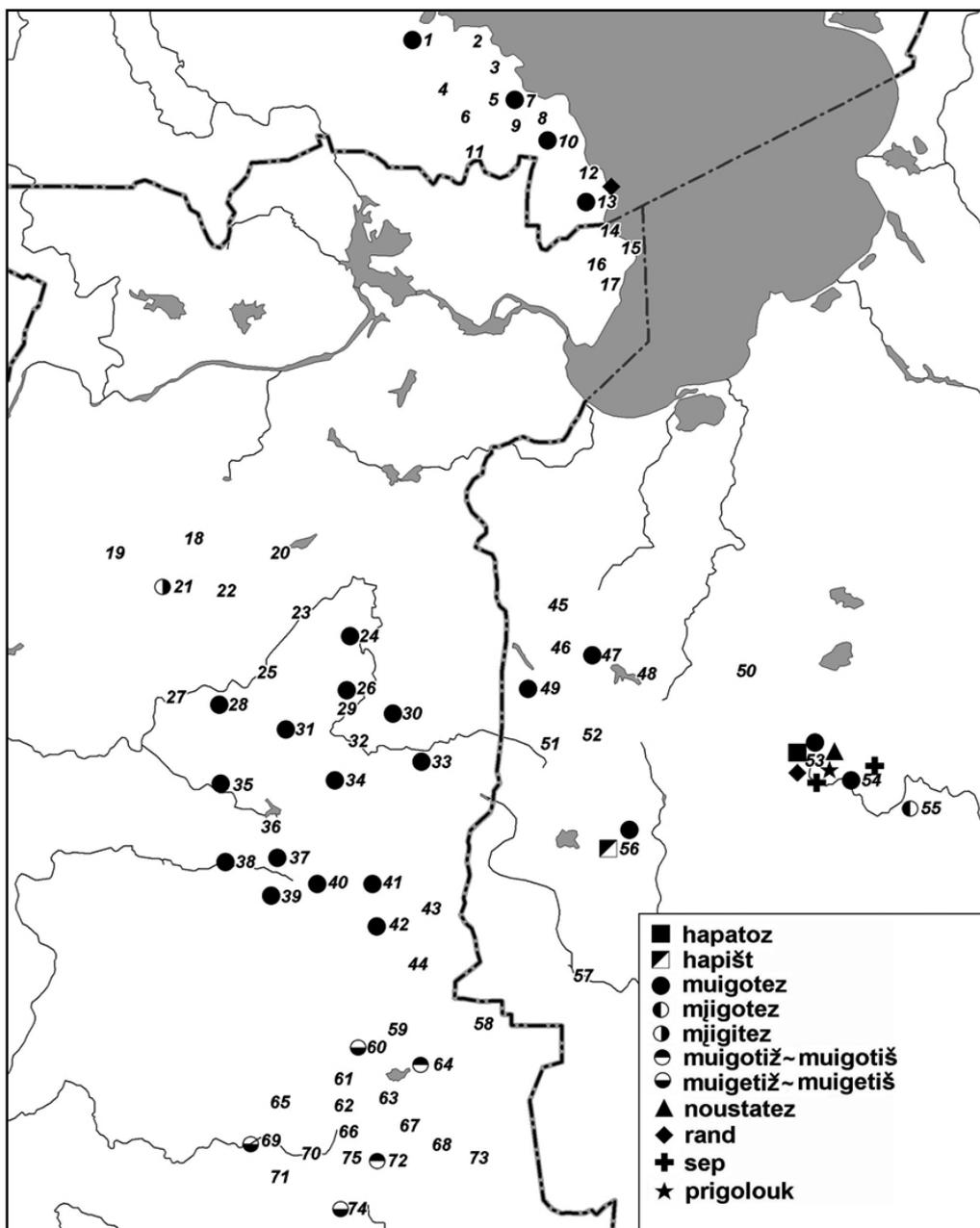
1. Кислый/киснуть

При сборе материала для именованния понятия «закваска» в вепсском языке распространённой оказалась лексема *muigotez* ~ *muigetiz*, представленная на лингвистической карте наиболее ши-

роко, объединив язык северных и средних вепсов (карта 2).

Этимологи полагают, что по происхождению лексема *muigotez* ~ *muigetiz* входит в прибалтийско-финское гнездо глагола *mijoa* ‘пробовать (на вкус)’ [26, II, 173]. Лексема с аналогичным вепсскому значению имеется и в карельско-ливиковском наречии *muijotus* ‘закваска, опара’ [13, 212], а также изредка встречается в собственно карельском наречии (*muijotus* ‘закваска’ [22, III, 351]) и в тверских говорах карельского языка – *muijotus* ‘особый вид дрожжей; закваска’ [16, 351].

Вполне возможно, что это наименование закваски *muigotez* ~ *muigetiz* в вепсском и карельском

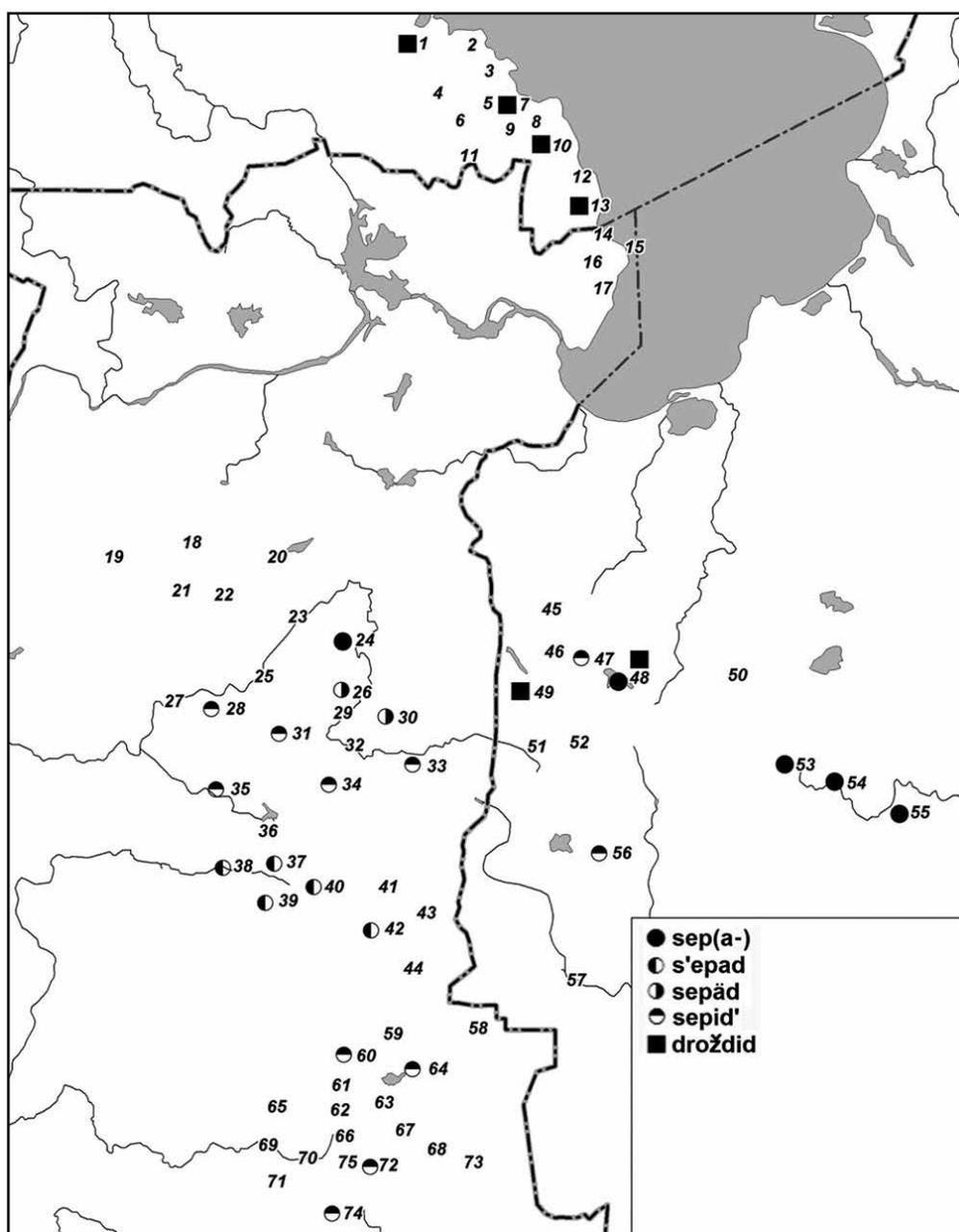
Карта 2. Именованния понятия «закваска»
в диалектах вепсского языка

языках возникло под влиянием русского языка, как семантическая калька русской лексемы *закваска*. С другой стороны, оно могло появиться и как универсалия с использованием семантики «кислый», «киснуть, закисать», «квас» и т. д., приводящей к свойству «заставлять бродить, подниматься» и т. д.

В этом же семантическом поле находятся вепские лексемы *hapatos* и *hapišt* с локальным бытованием в средневепских восточных говорах, оформленные разными словообразовательными суффиксами. Подобные лексемы характерны и для иных родственных языков в значении ‘закваска’ (например, финское *hapate*, эстонское *hapatus*

[26, I, 140]). Они входят в этимологическое гнездо *hapan* ‘кислый’ с широким представительством в прибалтийско-финских и волжско-финских языках [26, I, 140]. Соответствующие термины в виде *hapates* ~ *hapatus* ‘закваска’ хорошо известны диалектам близкородственного карельского языка [22, I, 168], свидетельствуя о сходных процессах выбора признака при номинации.

В вепском языке лексема *hapatos*, как свидетельствует и лингвистическая карта (карта 2), употребляется исключительно скромно. Возможно, она не получила более широкого употребления из-за изменения в языке вепсов семантики глагола *hapata*, от которого она образована и в котором

Карта 3. Именования понятия «дрожжи» в диалектах вепского языка

в настоящее время более широко представлено значение ‘гнить’, нежели ‘киснуть, прокисать’. Данный факт мог инициировать появление именованных от глагола *muigeta* ‘киснуть, прокисать’, который по семантике значительно более близок и русским лексемам.

2. Поднимать

В вепсской отглагольной лексеме *noustatez* в процессе номинации оказался востребованным иной признак закваски – действие по глаголу *nousta ~ nuusta* ‘поднять, поднимать’ [4, 368] – обладающий праприбалтийско-финскими корнями [26, II, 234]. В иных родственные вепсскому языкам этот признак при номинации понятия «закваска» практически не принят во внимание. Лишь в одном из восточных говоров финского языка была обнаружена лексема *noste* со сходным значением. Это тот редкий случай, когда вепсский объединился отчасти с финским языком [5, 34].

3. Край (?)

Диалектный «Словарь вепсского языка» [4, 463] зафиксировал у восточных вепсов (Бабаевский район, Вологодская область) в значении ‘закваска’ лексему *rand*, которую в подобном смысловом контексте не удалось выявить в ходе полевого сбора материала по вопроснику «Лингвистического атласа вепсского языка». Слово *rand* в языке вепсов, как и в родственных прибалтийско-финских языках, обладает значением ‘берег; сторона; край; подножие горы’. В этом же словаре в качестве омонима к *rand* ‘берег’ представлена лексема *rand* в значении ‘закваска для теста или репного кваса’ [4, 463].

На наш взгляд, эти два значения всё-таки могут быть объединены некоей семантической близостью. Соединить названные два значения в определённой степени помогает «Электронный ресурс вепсских материалов» [27], языковые образцы которого были собраны ещё в первой половине XX в. известным финским исследователем, специалистом по языку вепсов, Л. Кеттуненом. Все экспедиционные материалы Л. Кеттунена позднее были размещены его учениками и последователями в названном электронном ресурсе. Именно в нём была нами обнаружена лексема *taigin/rand*, где в качестве второй части сложного слова выступает именно *rand*. Значение этого сложного слова – ‘оставшееся в квашне тесто для закваски’. Оно было записано Л. Кеттуненом у северных вепсов (без указания конкретного пункта записи), и это обстоятельство может служить свидетельством о более широком функционировании слова ранее в близком для нас значении.

Связана ли лексема *rand* ‘закваска’ с другим словом, которое в вепсском звучит также как *rand* ‘берег; сторона; край’ (см. фин. *ranta* [26, III, 48])? Зафиксированное Л. Кеттуненом сложное слово *taigin/rand* [27] (букв. ‘квашня + край’) со значением ‘оставшееся в квашне тесто для закваски’ семантически подталкивает к обнаружению подобной связи в качестве своеобразной метафоры: рачительная хозяйка всегда соскребала и со стенок, и краёв сосуда или квашни остатки теста и использовала его для приготовления последующей закваски. Насколько нам известно, живущие по соседству с восточными вепсами русские поступали точно таким же образом. Возможно, в данном случае осуществился перенос значения с одного предмета на другой, что в лингвистике – довольно известное явление.

4. Приголовок

В области культуры выпекания хлеба некоторые вепские говоры продемонстрировали и контакты с диалектами русского языка, заимствовав лексему *prigolouk* < диалектное *приголовок* ‘закваска’. Слово в русских народных говорах многозначно, объясняется как ‘закваска; прокипячённая с солодом и ячменной мякиной вода; лепёшка на меду, которую клали для крепости в квас’ и т. д. [18, XXXI, 167–168]. Подобный способ приготовления быстрого пива, очевидно, был популярен в севернорусском ареале, поскольку названная лексема была заимствована и тверскими карелами, живущими в окружении русского населения: *priigolowhka* ‘дрожжи, разведённые в остывающем сусле’ [16, 218].

В ряде говоров в значении ‘закваска’ употребительна лексема *sep*, что отражено и на лингвистической карте (карта 2). Но поскольку указанная лексема чаще употребляется в значении ‘дрожжи’, то речь о ней пойдёт ниже. Подобная семантическая нестабильность терминов свидетельствует об их подвижности, вызванной близостью называемых предметов и явлений.

Таким образом, несмотря на то, что в настоящее время в домашних условиях хлеб практически не выпекается, да и пиво вепсы уже перестали варить в домашних условиях, как носители вепсского языка, так и письменные источники сохранили знания и сведения о таком важном для данной культуры понятии как закваска и её именованных.

Именования понятия «дрожжи»

Как полагают учёные, дрожжи, вероятно, являются одним из наиболее древних «домашних организмов», известных уже в течение длительного

времени. Дрожжи использовались для производства различных бодрящих напитков, содержащих, в том числе, и этиловый спирт. Эта сторона лексического разнообразия довольно часто выступает в качестве тем для статей, где исследуются особенности приготовления пива, кваса, браги т. д. В данном случае в научный оборот вводятся сведения, представленные в вепском языке, который вкуче с иным прибалтийско-финским материалом попадает в поле зрения не только исследователей-финно-угроведов, но и русистов, поскольку взаимодействие велико и сказалось практически во всех языковых сферах. Тем ярче это взаимодействие нашло своё отражение в языке вепсов, менее распространённом и находящемся долгое время как в контактах с русскими народными говорами, так и под их значительным влиянием. Хотя известный исследователь прибалтийско-финско-русских контактов С. А. Мызников в своих трудах неоднократно подчёркивал, что многие слова, в некоторых случаях утратившись в языке вепсов, продолжили свою активную жизнь в русских народных говорах. Даже отдельные из экзотичных и трудно произносимых слов смогли внедриться в русские народные говоры, как, например, вепская сложная по составу лексема *kukoinkarang* 'шиповник', «лексическая манифестация» которой представлена широко в Обонежье, Посвирье, Приладожье, Поволховье в формах *кукошкарандыш*, *кукакарандыш*, *кукарындыш* и т. д. [14, 44]. Поэтому малочисленность народа в этом случае ещё не является неперенным показателем направления заимствования или трансформации неких лексических нюансов их развития.

Именования дрожжей в языке вепсов не столь многообразны, как именования закваски, о чём речь шла выше. В диалектах вепского языка зафиксировано лишь два термина: *sepäd* ~ *sepid* и *droždid*. Лексема *droždid* является русским заимствованием, которая в русских народных говорах существует как в форме *дрожжи*, так и *дрожди* ([20, I, 540]; см. также *дрожденик* 'напиток, приготовленный из дрожжей' [18, VIII, 197]). В данном случае отметим, что вепское *droždid* – это лексема, заимствованная из русских народных говоров и оформленная в языке вепсов суффиксом множественного числа *-d*, соответствующая в этом случае грамматически полностью русскому этимону. Лексема представлена лишь в северновепском (или прионежском) языковом ареале, исключительно редко встречаясь в северной части средневепских говоров (карта 3). Полагаем, что северные вепсы утратили собственное наименование дрожжей под влиянием языка южных групп карелов, у которых также функционирует заим-

ствованный из русского языка термин *droždei*, вошедший даже в словари младописьменного карельского языка (ливвиковское наречие) [2, 88]. Это свидетельствует о невозможности отбора для младописьменного языка какого-либо иного слова из его многочисленных говоров, а также о том, что, очевидно, и само понятие пришло в язык карелов вместе с предметом, который оно обозначает. В свою очередь, карельский язык существенным образом повлиял на становление северновепского диалекта, что нашло своё отражение и в данном случае [12, 538].

Лексема *sepäd* ~ *sepid* распространена в вепских говорах, как свидетельствует карта, в средневепском и южновепском диалектных ареалах, теснее объединяя их в этом случае в сохранении исконного правепского наследия, которое, кроме того, приобретя семантический сдвиг, стало в этом случае своеобразной изюминкой языка вепсов.

Отметим, что в родственных прибалтийско-финских языках также широко функционирует лексема *seppä*, главное значение которой 'кузнец; искусный мастер'. Указанное значение повсеместно известно также и в вепском языке: *sep tagob pajas vadnhad* 'кузнец куёт в кузнице сошники' [4, 506]. Более ранний этимологический словарь финского языка и вепскую лексему *sep* со значением 'дрожжи' включал также в одно гнездо с лексемой *seppä* 'кузнец' [25, IV, 999–1000]. Новый же словарь указание на значение 'дрожжи' исключил, оставив в этимологической статье для вепского языка лишь значение 'кузнец' [26, III, 169].

Лексема *seppä* ~ *šepä* широко зафиксирована в тверских говорах карельского языка [16, 251–268] именно с тем же значением 'дрожжи', как и в языке вепсов. В ряде эстонских говоров имеются такие диалектные лексемы со значением 'дрожжи' как *tüö/mees*, *töök* букв. 'рабочий человек', *meistari* букв. 'мастер' [5, 35–36], которые, очевидно, следует классифицировать как метафоры, характеризующие способность дрожжей «работать» (поднимать тесто, пиво, квас и т. д.), подобно трудолюбивому мастеру, рабочему человеку или искусному кузнецу.

Обратим внимание на тот факт, что при исследовании семантического круга лексики, связанного с пивоварением, также часто говорят, в том числе, о дрожжах и заквасках. В этом случае выступает лексика, которая воплотила представления об «антропоморфном» облике пива: «... пиво ходит, гуляет, живёт, веселится...» [15, 68] и т. д. В языке вепсов, которые были отменными пивоварами и на их территориях записано значительное количество рецептов тёмного и светлого пива,

также широко представлены подобные контексты: ... *olud ... ehthasai päčiš ištup ... seižuhtap vāhāine ... t'äuškāp ...* 'пиво ... сидит в печи до вечера ... постоит немного ... начнёт ходить ...' [3, 182]. Любопытно, что и в «Словаре говоров Русского Севера» отмечено, что в вологодских и великоустюгских говорах *мастер* – это 'закваска': «... пиво прокипятят и пускают в ход, *мастер* в основном туда кладут ...» [17, 246].

В этом случае в вепском языке, в названных выше карельских тверских говорах, в некоторых говорах эстонского языка, а также и в ряде русских говоров относительно дрожжей выступает одна и та же метафора, которая стала мотивом для номинации – кузнец, рабочий человек, мастер. Случайное ли это совпадение или семантическая калька? Вполне возможно, что названное явление – некая универсалия, продиктованная выбором в языках одного и того же, важного при номинации признака.

В вепских диалектах лексема *sep* обладает некоторыми модификациями: *sep ~ sepād, sepid*. Более древней в этом случае является форма номинатива единственного числа *sep*. Формы множественного числа с суффиксом множественности *-d* (*sepād* и *sepid*) возникли под несомненным влиянием русского языка. В русском языке слово *дрожжи* употребляется именно в форме множественного числа. Эта множественность была привнесена и в язык вепсов.

Обсуждение и заключение

Таким образом, группа лексики, обозначающая в вепском языке дрожжи и закваски, достаточно хорошо сохранилась, обладая исконными лексемами, возникшими на прибалтийско-финском языковом материале (*muigotez, noustatez, hapatez*), или сугубо вепскими инновациями, к которым относится, прежде всего, лексема *rand*, не совсем

прозрачная с точки зрения мотива номинации.

Дрожжи, как показал анализ мотивов именованных, апеллируют к кузнецам, хорошим работникам, которые действуют как искусные мастера, что известно также и русским народным говорам (*мастер*). Закваски, в общем-то, также достаточно активны в мотивах номинации: они поднимают, заквашивают, заставляют ходить, являются основой, корнем и т. д.

В этой небольшой группе лексики отмечается заметное взаимодействие языков как на уровне возможных или универсалий, или семантического воздействия, которое явно улавливается, но направление которого пока трудно определить: вепское *sep* 'дрожжи' (+ 'кузнец'), тверское карельское *seppä ~ šepä* 'дрожжи', эстонское *meistari, töök, töömees* 'дрожжи' (букв. 'рабочий человек') и русское *мастер* 'закваска'.

В языке вепсов в анализируемой группе лексики известны также и заимствования из русских народных говоров на уровне, прежде всего, прямого заимствования лексем: *prigolouk* 'закваска' < русское *приголовок* 'закваска; дрожжи', *droždei* 'дрожжи' < русское диалектное *дрожди* 'дрожжи'. Можем наблюдать и случай грамматического воздействия: вытеснение из употребления во многих говорах вепского языка формы единственного числа лексемы *sep* и замена её формой множественного числа *sepād-sepid*, параллельной русской лексеме *дрожжи* (диалектное *дрожди*).

Многие проблемы различных сторон языков, находящихся по соседству и взаимодействующих друг с другом, можно интерпретировать лишь при обращении к истории их развития, к выявлению результатов контактов, их сопоставлению и более углубленному исследованию.

Список источников и литературы

1. Агранат Т. Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. М.: Языки народов мира, 2016. 248 с.
2. Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Verso, 2011. 400 с.
3. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепской речи. Л.: Наука, 1972. 296 с.
4. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.
5. Зайцева Н. Г. Лингвистическая география и номинация (на примере именованной дрожжей в прибалтийско-финских языках) // Материалы международной филологической конференции. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2011. С. 32–39.
6. Зайцева Н. Г. Реализация лингвомифологических представлений вепсов в именовании понятия «радуга» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 3. С. 32–41.
7. Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. Вепская свадебная терминология в этимологическом и лингвогеографическом аспектах (вепское vs. русское) // Научный диалог. 2019. № 10. С. 144–158.
8. Зайцева Н. Г., Муллонен И. И. Формирование диалектной карты вепского языка (на материале «Лингвистического атласа вепского языка») // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 85–103.
9. Корпус вепского и карельского языков. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/125> (дата обращения: 23.04.2020).

10. Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 1994. 117 с.
11. Кузнецова А. И. О двух ключевых моментах в изучении прибалтийско-финских языков и народов // *Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii. Mémoires de la Société Finno-Ugrienne*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998. С. 257–264.
12. Лингвистический атлас вепского языка / сост.: Зайцева Н. Г., Муллонен И. И., Мызников С. А., Жукова О. Ю., Бродский И. В., Шибанова Н. Л.; под общей редакцией Зайцевой Н. Г. СПб.: Нестор-История, 2019. 573 с.
13. Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
14. Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2003. 359 с.
15. Осипова К. В. Лексика пивоварения на Русском Севере: Этнолингвистический аспект // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 48. С. 57–73.
16. Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994. 378 с.
17. Словарь говоров Русского Севера / Сост. Березович Е. Л., Галинова Н. В., Гусева Л. Г., Гусельникова М. Л., Доровских Л. В., Зорина С. В., Рут М. Э. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2018. Т. 7. 400 с.
18. Словарь русских народных говоров. Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.
19. Строгальщикова З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск: Периодика, 2016. 200 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 672 с.; Т. 3. 832 с.; Т. 4. 964 с.
21. *Atlas Linguarum Fennicarum*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. Vol. I. 464 p.; 2007. Vol. II. 540 p.; 2010. Vol. III. 486 p.
22. *Karjalan kielen sanakirja*. In 6 Volumes. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. 3800 p.
23. Grünthal R. *Vepsän kielioppi*. Helsinki, 2015. 347 p.
24. Mullonen I., Zaitseva N. Areal Distribution of Veps Topographical Vocabulary // *Linguistica Uralica*. 2017. № 2. Pp. 106–123.
25. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. In 7 volumes. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981. 2294 p.
26. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. In 3 volumes. Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. 1459 p.
27. *Vepsän verkkosanasto*. URL: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/> (дата обращения: 23.04.2020).

References

1. Agranat T. B. *Sravnitelnyi analiz grammaticheskikh sistem pribaltiysko-finskih jazykov: printsipy intrageneticheskoy tipologii* [Comparative analysis of grammatical systems of the Baltic-Finnish languages: principles of intragenetic typology]. Moscow: Yazyki narodov mira Publ., 2016. 248 p. (In Russian)
2. Boyko T. P., Markianova L. F. *Bolshoj russko-karelskij slovar (livvikovskoye narechiye)* [Large Russian-Karelian dictionary (Livvi dialect)]. Petrozavodsk: Verso Publ., 2011. 400 p. (In Russian, Karelian)
3. Zaytseva M. I., Mullonen M. I. *Obraztsy vepsskoy rechi* [Samples of Vepsian speech]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 296 p. (In Vepsian, Russian)
4. Zaytseva M. I., Mullonen M. I. *Slovar vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 746 p. (In Vepsian, Russian)
5. Zaytseva N. G. *Lingvisticheskaya geografiya i nominatsiya (na primere imenovanja drozhzey v pribaltiysko-finskih yazykah)* [Linguistic geography and nomination (on the example of nomination of yeast in the Baltic-Finnish languages)]. *Materialy mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii* [Materials of the international philological conference]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPb un-ta Publ., 2011. pp. 32–39. (In Russian)
6. Zaytseva N. G. *Realizatsiya lingvomifologicheskikh predstavleniy vepsov v imenovaniyah ponyatiya «raduga»* [Realization of linguo-mythological representations of the Veps in nomination of the notion «rainbow»]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies], 2019, no. 3, pp. 32–41. (In Russian)
7. Zaytseva N. G., Zhukova O. J. *Vepsskaya svadebnaya terminologiya v etimologicheskom i lingvogeograficheskom aspektah (vepsskoye vs. russkoye)* [Vepsian wedding terminology in etymological and linguo-geographical aspects (Vepsian vs. Russian)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2019, no. 10, pp. 144–158. (In Russian)
8. Zaytseva N. G., Mullonen I. I. *Formirovaniye dialektnoy karty vepsskogo yazyka (na materiale «Lingvisticheskogo atlasa vepsskogo yazyka»)* [Formation of the dialect map of the Vepsian language (on the material of the «Linguistic Atlas of the Vepsian language»)]. *Voprosy yazykoznaneya* [Issues of linguistics], 2018, no. 6, pp. 85–103. (In Russian)
9. *Korpus vepsskogo i karelskogo jazykov* [Corpora of the Vepsian and Karelian languages]. Available at: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/125> (accessed April 04, 2020). (In Vepsian, Karelian, Russian)

10. *Krasnaya kniga yazykov narodov Rossiya. Entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik* [Red Book of languages of the peoples of Russia. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Academia Publ., 1994. 117 p. (In Russian)
11. Kuznetsova A. I. *O dvuh klychevykh momentah v izuchenii pribaltiysko-finskiy yazykov i narodov* [About two key moments in the study of the Baltic-Finnish languages and peoples]. *Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii. Mémoires de la Société Finno-Qugrienne* [Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii. Mémoires de la Société Finno-Qugrienne], 1988, no. 228, pp. 257–264. (In Russian)
12. *Lingvisticheskiy atlas vepsskogo yazyka* [Linguistic Atlas of the Vepsian language]. Comp. by N. G. Zaytseva, I. I. Mullonen, S. A. Myznikov, O. Yu. Zhukova, I. V. Brodskiy, N. L. Shibanova. Ed. by N. G. Zaytseva. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. 573 p. (In Russian)
13. Makarov G. N. *Slovar karelskogo yazyka (livvikovskiy dialect)* [Dictionary of the Karelian language (Livvi dialect)]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 495 p. (In Karelian, Russian)
14. Myznikov S. A. *Atlas substratnoj i zaimstvovannoj leksiki russkih gororov Severo-Zapada* [Atlas of substrate and borrowed vocabulary of Russian dialects of the North-West]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2003. 359 p. (In Russian)
15. Osipova K. V. *Leksika pivovareniya na Russkom Severe: Etnolingvisticheskiy aspekt* [Brewing vocabulary in the Russian North: Ethnolinguistic aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2017, no. 48, pp. 57–73. (In Russian)
16. Punzhina A. V. *Slovar karelskogo yazyka (tverskiye govory)* [Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1994. 378 p. (In Karelian, Russian)
17. Berezovich E. L., Galinova N. V., Guseva L. G., Dorovskikh L. V., Zorina S. V., Rut M. E. *Slovar gororov Russkogo Severa. V 7 tomah* [Dictionary of dialects of the Russian North. In 7 volumes]. Yekaterinburg: Izd-vpo Uralskogo un-ta Publ., 2018. Vol. 7. 400 p. (In Russian)
18. *Slovar russkih narodnyh gororov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad; Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1965–2016. Iss. 1–49. (In Russian)
19. Strogalshchikova Z. I. *Vepsy v etnokulturnom prostranstve Evropejskogo Severa* [The Veps in the ethno-cultural space of the European North]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2016. 200 p. (In Russian)
20. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. V 4 tomah* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. Moscow: Progress Publ., 1968–1987. Vol. 1. 576 p.; Vol. 2. 672 p.; Vol. 3. 832 p.; Vol. 4. 964 p. (In Russian)
21. *Atlas Linguarum Fennicarum*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Vol. 1. 2004. 464 p.; Vol. 2. 2007. 540 p.; Vol. 3. 2010. 486 p. (In Finnish)
22. *Karjalan kielen sanakirja. In 6 Volumes*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. 3800 p. (In Karelian, Finnish)
23. Grünthal R. *Vepsän kielioppi*. Helsinki, 2015. 347 p. (In Finnish)
24. Mullonen I., Zaytseva N. Areal Distribution of Veps Topographical Vocabulary. *Linguistica Uralica*, 2017, no. 2, pp. 106–123. (In English)
25. *Suomen kielen etymologinen sanakirja. In 7 volumes*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden seura, 1955–1981. 2294 p. (In Finnish)
26. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. In 3 volumes*. Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. 1459 p. (In Finnish)
27. *Vepsän verkkosanasto*. Available at: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/> (accessed April 23, 2020). (In Finnish, Vepsian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Нина Григорьевна, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН – обособленного государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии Наук (Институт ЯЛИ КарНЦ РАН; 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), доктор филологических наук.

zng@ro.ru

ORCID.ORG: 0000-0002-8335-2137

ABOUT THE AUTHOR

Zaytseva Nina Grigoryevna, Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pushkinskaya st., 11), Doctor of Philological Sciences.

zng@ro.ru

ORCID.ORG: 0000-0002-8335-2137